
У сэра Джуффина Халли, безупречного практически во всех отношениях джентльмена, имеется одна-единственная скверная привычка, каковой, впрочем, вполне достаточно, чтобы свести в могилу человека, вынужденного ежедневно иметь с ним дело. Шеф обожает будить людей в самое неподходящее время.

Иногда я начинаю жалеть, что мы с ним не живем в простом и понятном мире, где деспотический начальник, возжелавший силой извлечь своего заместителя из сладкой тьмы сновидений, вынужден использовать примитивные технические средства связи типа телефона, пейджера или, на худой конец, посыльного, которому поручается жалобно мяукать под дверью несчастной жертвы до победного конца. Ибо телефон можно отключить и выбросить в окно, пейджер — растоптать, а потом утопить в унитазе, окна наглухо закрыть, установить бронированную входную дверь и обить ее войлоком (иногда лучше переборщить с предосторожностями). Потом следует заботливо обложить свои чуткие уши подушками, и пусть тогда хоть один гад попробует до тебя добраться.

Но меня угораздило надолго застрять в Мире, где существует Безмолвная речь. Поди скройся от неугомонного шефа, когда его коронная реплика: «Давай,

давай, просыпайся!» — раздается не в телефонной трубке, а в твоей собственной голове, от которой никуда не денешься. Во всяком случае, сколько раз я пробовал игнорировать его настойчивый зов — безрезультатно!

Иногда я начинаю всерьез подумывать, что мне следует обзавестись уютной спальней в каком-нибудь ином Мире и завершать всякий рабочий день поспешным низвержением в Хумгат — отличная замена неторопливой прогулке по предрассветному городу. Зря я, что ли, так долго учился путешествовать между Мирами? Давно пора начинать применять сие таинственное магическое искусство в практических целях.

На сей раз злодей Джуффин умудрился разбудить меня ровно через час после того, как я наконец-то закрыл глаза. Но мои жалкие попытки объяснить шефу, что столь омерзительно я не чувствовал себя даже сразу после того, как умер, не произвели на него никакого впечатления.

«А бальзам Кахара тебе на что? — спросил он. — Целые поколения могущественных чародеев в течение долгих тысячелетий не щадили усилий, сберегая и совершенствуя рецепт этого бодрящего зелья. Должен же хоть кто-то применять его по назначению. Так что давай, исполни свою историческую миссию, а потом поднимайся и приезжай ко мне домой. И учти, если через час тебя не будет, я начну рыдать в голос».

«Ужас какой, — вяло откликнулся я. — Погодите-ка, я должен приехать именно к вам домой, а не в Управление? Я не ослышался?»

«Ты не ослышался», — подтвердил Джуффин и умолк.

Оно и к лучшему — башка у меня гудела, как церковный колокол после вечеринки беспутных попов-расстриг, решивших как следует отпраздновать Хеллоуин. Что мне

действительно требовалось — так это опустить голову на подушку и поспать еще часов семь, но я был вынужден ограничиться глотком тонизирующего бальзама.

Хвала Магистрам, это простенькое чудо — всего-то восьмая ступень Черной магии — по-прежнему имеет некоторую власть над моим замороженным всяческими чудесами организмом. Во всяком случае, умываться я отправился уже в добром здравии. Я настолько пришел в порядок, что даже начал понемногу терзаться любопытством.

Приглашение Джуффина показалось мне довольно странным. Ну, положим, тот факт, что шеф разбудил меня всего через пару часов после того, как мы расстались, вполне в порядке вещей. Я — такое специальное полезное живое существо, над которым можно всласть поизмываться, когда под рукой нет какой-нибудь другой дежурной жертвы, а злодейская душа господина Почтеннейшего Начальника требует своего. Но какого черта он ждет меня дома? До сих пор наш кабинет в Доме у Моста вполне подходил для деловых встреч. К тому же Джуффин не такой уж любитель бессмысленных перемещений в пространстве. Вряд ли шеф стал бы приезжать с утра на службу только для того, чтобы через пару часов получить счастливую возможность лишний раз поскучать на сиденье собственного амобилера, едва ползущего с Правого Берега на Левый под управлением бывшего гонщика Кимпы. Значит, домой он вернулся внезапно. Хотел бы я знать зачем?

Мне пришла в голову совершенно крамольная мысль: на виллу господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска было совершено грабительское нападение, но я поспешно прогнал дурацкую идею прочь: совершенно невозможно! Хотя...

— Ничего не понимаю! — решительно заключил я, обращаясь к своему лохматому отражению в зеркале.

Отражение сочувственно покивало, кое-как связало непослушные космы в хвост и отправилось одеваться. Мне ничего не оставалось, кроме как послушно последовать его примеру.

На пороге спальни мне пришлось выдержать настоящее сражение со своим зверинцем. Армстронг и Элла, два мохнатых чудовища, которые когда-то были котятами, возмущенно мяукали: им, знаете ли, кажется, что я очень неплохая грелка для постели, где они обожают валяться. Друппи, хвала Магистрам, не мяукал, поскольку родился собакой. Зато этот непоседливый центнер всклокоченного белого меха решил, что я встал специально для того, чтобы прогуляться с ним по окрестным кварталам. Теперь пес восторженно прыгал вокруг меня и лез обниматься.

— Извини, милый, но тебе пока ничего не светит, — виновато сказал я собаке. — Скажи спасибо своему любимчику, сэру Джуффину, это он во всем виноват.

Друппи разочарованно присел на задние лапы и озадаченно помотал головой. Кажется, он просто не мог поверить, что человек, которому он после первого же знакомства отвел почетное место в своем любвеобильном сердце, мог сотворить такую вопиющую гадость — отвлечь меня от долгой прогулки с ним. Я ласково погладил большую умную голову собаки, подавил отчаянный зевок, поплотнее завернулся в Мантию Смерти и покинул свои апартаменты.

Нет ничего лучше, чем ясное, солнечное весеннее утро в старом центре Ехо. И нет ничего хуже, чем ясное, солнечное утро в любое время года и в любой точке

Вселенной, если вам не дали выспаться. Поначалу мне приходилось подавлять настойчивое желание изловить всех солнечных зайчиков в округе и собственноручно набить морду каждому из них. У меня вообще весьма тяжелый нрав, а уж после принудительной побудки он обычно зашкаливает за отметку «отвратительный». Если бы сейчас вдруг выяснилось, что этому прекрасному Миру угрожает какой-нибудь очередной апокалипсис, я бы, скорее всего, вежливо осведомился, что я могу сделать, чтобы ускорить его наступление.

Но когда я пересекал мост Гребень Ехо, мне на нос села маленькая пестрая бабочка. Через мгновение она убедилась, что сей замечательный предмет не является цветком, и поспешно улетела, но моя хмурая физиономия уже расплылась в умиленной улыбке, каковая безнадежно заблудилась в окрестностях лица и продолжала блуждать там, даже когда я переступил порог гостинной Джуффина. А ведь я собирался начать наше общение с прочувствованного монолога на тему «сэр Макс тоже живой человек». Намечалось даже небольшое театрализованное представление. Пожалуй, обошлось бы без продолжительных глубоких обмороков, но я твердо вознамерился вздеть воспаленные очи к небу, драматически стиснуть виски дрожащими пальцами и зевать до хруста за ушами. Не могу сказать, что я действительно надеялся, будто мне удастся растрогать этого злодея, но я был просто обязан попробовать.

Ничего не вышло, к моменту встречи я пребывал в совершенно лучезарном настроении. Зато Джуффин был мрачен, как отражение грозовой тучи в тусклом зеркале. Он поднялся было мне навстречу, серебристое лоохи сверкнуло в лучах полуденного солнца, как крылья стремительной чайки, но на середине пути шеф

вдруг передумал и рухнул обратно в кресло. Адресовал мне тяжелый испытующий взгляд исподлобья и отвернулся к окну.

— Можно подумать, что это не вы меня, а я вас разбудил, — заметил я, разглядывая его насупленные брови. — Что-то случилось?

— «Что-то случилось» — это еще слабо сказано, — буркнул Джуффин. — Скорее уж «стряслось». Или, если быть точным, неминуемо стрясется в самом что ни на есть ближайшем будущем. Да ты садись, Макс. Устраивайся поудобнее, разговор предстоит долгий. Извини, что я не дал тебе выспаться, но тут такое творится...

Он нетерпеливо махнул рукой и умолк, задумчиво уставившись в окно. Решал, с чего начать, я полагаю.

Признаться, я опешил, услышав его извинение. Приятно, конечно, иметь дело с вежливым человеком, но такое поведение совершенно не вязалось с обычными манерами шефа. Предполагается, будто каждый сотрудник Тайного Сыска должен испытывать глубокую искреннюю благодарность за то, что его до сих пор не убили, и больше ничего не требовать.

— Так что творится-то? — спросил я. — И почему вы решили встретиться со мной дома?

— Так лучше, — невнятно, но безапелляционно объяснил Джуффин. И довольно неуверенно добавил: — По крайней мере, есть надежда, что здесь нам никто не помешает. Хотя, если бы в нашем распоряжении было немного больше времени, я бы предпочел провести этот разговор на Темной Стороне. А еще лучше — в каком-нибудь ином Мире, где уж точно не будет никаких посторонних ушей. Но чего-чего, а времени у нас нет совсем.

— Так, я уже испугался, — вздохнул я. — Это о чем же, интересно, вы собрались со мной побеседовать?

И с каких пор в нашем кабинете в Доме у Моста завелись чужие уши?

— Не бери в голову, Макс, — отмахнулся он. — И уж тем более, не трать силы на неубедительную имитацию какого-то бездарного испуга, излишества тебе не к лицу. Ничего страшного не происходит, просто... Одним словом, Нуфлин Мони Мах при смерти. Собственно говоря, этого следовало ожидать, но я думал, что старик продержится еще пару дюжин лет, как минимум.

— Магистр Нуфлин при смерти? Как такое может быть?

— А чему ты удивляешься? — пожал плечами Джуффин.

— Это как-то не вяжется с его имиджем, — растерянно объяснил я.

— Неужели до сих пор ты думал, что Нуфлин бессмертен? С чего бы это? Старик живет на свете довольно долго, и вот его время вышло. Такое, знаешь ли, со всеми случается, рано или поздно.

— Так, — решительно сказал я, с трудом подавляя желание устроить непродолжительную, но бурную истерику. — И что теперь? В Соединенном Королевстве грядут гражданские волнения в связи с предстоящей кончиной Магистра Нуфлина, великого и ужасного? Или волнения намечаются исключительно среди членов Ордена Семилистника? И нам придется расхлебывать эту несладкую кашу, сваренную из чужих амбиций?

— Да нет, не думаю, — отмахнулся Джуффин. — По моим сведениям, ничего подобного не намечается. Конечно, в делах такого рода всегда следует опасаться неприятных неожиданностей, но в любом случае все это пустяки. Суета сует и томление духа, как с некоторых пор любит выражаться наш сэр Мелифаро, пребы-